

Анна Абаимова

Соло ТИШИНЫ

18+

Анна Абаймова

Соло тишины

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Абаимова А. Л.

Соло тишины / А. Л. Абаимова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99520-8

Каждая эпоха рождает своих героев и своих антигероев. Но может ли потеряться целое поколение и где найти то зазеркалье, в которое оно ушло? Многие дети, чьё взросление совпало с 90-ми годами, не состоялись и потеряли себя. Почему такое произошло? Автор психологической драмы рассказывает о судьбе талантливого подростка, желания и амбиции которого оказались не только далёкими от современной жизни, но и привели к преступлениям.

ISBN 978-5-532-99520-8

© Абаимова А. Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Абаимова

Соло тишины

Часть 1

Человек в мокром дождевике с накинутым на лицо капюшоном бросил в распахнутое окно старенького деревянного домика бутылку с зажигательной смесью. Он очень хотел какое-то время подождать, увидеть, как начнётся пожар, как запаникуют люди, и хотел насладиться этим результатом своего деяния. Но нужно было бежать, и он свернул в ближайший проулок, туда, где его никто не увидел бы ни из окна, ни из ворот, а другие люди возможно не обратили бы на него внимания. В конце концов на улице шёл дождь и многие ходили в плащах, лица тоже прятали, и выглядели тревожно.

Пройдёт время и может быть в полиции он расскажет обо всём. А может не расскажет. В любом случае он допускал вариант, что его поймают. Ведь большую часть преступлений в современном мире всё-таки удавалось раскрыть, а он к тому же не профессиональный преступник и скорее всего допустил много серьёзных промахов, по которым его легко вычислят... Это казалось ему вовсе не страшным, страшным было другое – он думал, что вполне может не успеть, что запросто ему кто-нибудь помешает или собственная нервозность остановит его.

Именно этот вечер казался особенно подходящим, чтобы совершить ещё два поджога, а после – наслаждаться оставшимися мгновениями свободной жизни, любоваться этим миром и ещё балдеть от тишины, которая воцарится наконец вокруг и даже в сердце, ведь как ни странно, шум может быть именно внутри, в самом человеке, особенно если и человек этот тоже весьма странный. Странный, как этот преступник.

Он шёл сейчас знакомой дорогой и уверенным шагом, уверенным оттого, что знал: второе и третье возгорание никто не может ожидать, а ведь это огромный козырь – быть неожиданным. Но мысли его уводили куда-то далеко отсюда. Грезилось будущее. А может случился какой-то момент ясновидения – человек увидел явственно, как сидит напротив следователя и тот задаёт вопросы, на которые не получает никаких ответов.

– Вы не хотите отвечать? – спрашивает следователь.

Человек продолжает молчать, потому что в этом своём молчании хранит не только тайну, ещё – он бережёт тишину. И вот слышит, как в кабинете случайно залетевшая муха отчаянно бьётся об стекло. Хочет спросить в свою очередь у следователя, почему тот не убьёт муху, но медлит и молчит, не спрашивает, хотя это жужжание его раздражает, и он стесняется говорить, стесняется, как в детстве, хотя с возрастом это ощущение у людей проходит, а у многих современных детей оно и вовсе изначально отсутствует, но в редкие и непонятные моменты человек этот по-прежнему чувствует себя по каким-то причинам не повзрослевшим и затерявшимся где-то между детством и юностью...

Почему его тревожит именно этот возраст, он не может понять.

Ничего там не происходило такого особенного, всё было как обычно: школа, ещё музыкальная школа, и библиотека, которую он очень любил. Вот только мама тогда вышла замуж второй раз и велела больше не называть её мамой, сказала, что отныне она для него – тётя Катя. Мама, или точнее эта самая тётя Катя, впоследствии родила от другого дяденьки ещё двоих детей и после подрастающий паренёк стал чувствовать себя совсем ненужным и лишним среди этих людей. Хотя он верил – мама по-прежнему любит его и она всегда рядом.

– Эти люди были вашими врагами? – спросил наконец следователь, и этим вопросом вернул человека к реальности.

Но реальность была не такая, какую он слышал и видел. В реальности он издали взглянул, вскинув голову, на окно третьего этажа... Погода благоприятствовала его злодеяниям – нигде в городе ещё не отключили отопление и потому все распахивали окна навстречу свежему ветру и ранней, необыкновенно тёплой весне, торопливо врывающейся и проникающей всюду.

...Человек перелез через ограждение, которое немногим было под силу преодолеть. Но он долго готовился. Оказался на запасном противопожарном балконе многоэтажки, и мысленно усмехнулся этому парадоксу: пожар начнётся с противопожарного хода. Вбежал на третий этаж, размахнулся и попал точь-в-точь. Прислушался. Никто не закричал.

Сумерки уже начинали скрывать силуэты и превращать их в тени.

Злоумышленник спокойно скользнул по ступенькам вниз. Теперь в его сердце зазвучала музыка – это был первый тонкий изысканный аккорд какой-то чарующей мелодии, быть может он слышал её когда-то или играл сам. Музыка понравилась, и он поспешил дальше. Следовательно в его воображении больше не приставал с расспросами, и человек подумал, что хоть как планируй каждый шаг, хоть как пытайся предвидеть будущее – всё это пустое бессмысленное занятие, потому что на самом деле всё в жизни невозможно предусмотреть и события никогда не развиваются ни по какому сценарию, и хоть сто вариантов их придумывай, всё равно случится какой-нибудь другой, сто первый.

Вдруг он узнал ту мелодию, которая теперь звучала в сердце – это был фрагмент забавной народной песенки, которую он разучивал в детстве. Программа в музыкальной школе была для всех одинаковая и он всегда восторженно слушал пьесы, которые играли старшие ребята, выбирал, какие ему нравятся больше и что он хотел бы сыграть сам, потом слушал, как пьесу играет преподаватель и что-то болезненно с трепетом сжималось в его груди. И это неведомое, сжавшись, хотело излиться мелодией, потому что и сама мелодия будто бы хранилась именно там, в глубине души, хотя наверняка такое мог ощущать далеко не каждый человек, а только истинный музыкант.

В последнее время он стал понимать, что музыка – весьма относительная вещь, и каждый житель планеты – это по-своему аккорд, а некоторые может быть даже гармоничные такты или целые симфонии. Другие же – просто шум или даже пустота... Именно с этими мыслями и дошёл наконец до дачного посёлка – третьего и финального пункта сегодняшнего вечера. Этой ранней весной на дачи переехали уже многие. Деревья однако стояли пока обнажённые и только изредка на солнцепёке желтели, как маленькое солнечное эхо, первые цветки мать-и-мачехи, которые всё время появлялись даже раньше подснежников.

Ещё пели соловьи. Так заливисто и чарующе, что человек невольно замедлил шаги. После и вовсе остановился – подумал даже, что напрасно наивные люди из семи нот пытаются выжимать какие-то музыкальные шедевры. И ведь у них порой даже получается! Прикинул теперь, каким надо быть гением и виртуозом, чтобы сочинять музыку. Однако всё-таки надо было поторопиться и осуществить задуманное, потому что уже совсем наступила ночь. Завтра же будет новый день и, как он рассчитывал, начнётся новая жизнь, а эти три преступления останутся в прошлом.

Соловьи, будто предчувствуя недоброе, понемногу начали смолкать. А может просто утомились, и в сгустившейся темноте решили подремать хоть немного до рассвета. Тогда человек подумал, что ни один музыкальный инструмент не сравнится с их пением – куда уж там! Даже скрипке, этой примадонне всех оркестров, и то до них далеко. Но всё-таки старались упорные люди превзойти совершенство природы.

Нужную ему дачу злоумышленник нашёл быстро.

Дорога здесь была ему хорошо знакома и он заглянул через калитку, через кусты, растущие в палисаднике – понял, что теперь задача перед ним встала посложнее. Или он сам оплошал, основательно просчитался, и начинать следовало именно отсюда... Дачные домики, сильно охладившиеся за зиму, теперь приходилось тщательно прогревать растопленными

печами, несмотря даже на солнечную погоду. А потому окна все закрывали плотнее ближе к вечеру. Ещё закрывали, чтобы не залетали внутрь первые мухи и комары. Какое-то время человек стоял возле запертой двери. В окне поблескивал тусклый свет лампочки, и человек не сомневался – хозяева внутри. Осторожно приоткрыл калитку, зная, что они обычно скрипят. На этот раз калитка не скрипнула. Тогда он, неслышно ступая, словно хищный зверь, подошёл к двери – прижал её толстой широкой доской. Разного древесного материала здесь всегда было полным-полно и он заранее это отлично знал.

Понимал, что проявляет чрезвычайную жестокость, не давая людям ни малейшего шанса на спасение, хотя при этом утешал себя, убеждая, что они сами виноваты и тоже чрезвычайно жестоки.

Рука не дрогнула и он сделал всё, как запланировал.

Что его увидят в окно, злоумышленник не боялся – пусть смотрят, ведь впоследствии никто уже не напишет заявление и не даст против него показания... На какое-то время даже задержался напротив окна, надеясь встретиться взглядом со своими жертвами. Разбившееся стекло посыпалось в палисадник и внутри заматались, ещё видимо не сообразив, что произошло. Человек попятился, мгновенно, как это умеют делать только преступники, скрылся в темноте.

– Я всё видела, – услышал он вдруг женский голос.

Вместо того, чтобы испугаться, заслушался эти голосом, который прозвучал на удивление мелодично и нежно. Присмотрелся, увидел впереди себя маленькое существо в белых одеждах.

– Ты ангел? – шёпотом спросил он.

В ответ раздался смех, такой игривый и тонкий, какой мог быть только у ребёнка. Тогда преступник разволновался, потому что растолковал этот смех по-своему.

– Значит всё-таки ангел, – пробормотал он.

Хотя сейчас ему следовало немедленно убежать, он не двигался, потому что смех этот напоминал ему переливчатые трели соловья. Птиц он всегда считал посланниками с небес, а значит можно было не сомневаться – и это существо, смеющееся с ними в унисон, оттуда же, с заоблачной дали.

– Я тебя знаю, – продолжал говорить этот ангелок.

На самом деле это была девочка лет восьми-девяти. Человек, весьма польщённый, улыбнулся – надо же, его знает ангел, не зря видимо он так часто стремился уединиться в тишине, вот и встретился наконец с одним из посланников с небес.

– Я расскажу взрослым, что это ты поджог дом дяди Кости и тебя посадят в тюрьму, – продолжала в это время девочка-ангел. – а если не хочешь, чтобы тебя посадили, дай мне немного денег.

Только в этот момент до злоумышленника дошёл смысл этой досадной встречи, и он понял – на самом деле перед ним никакой не ангел, а бессовестная, жадная девчонка. Тогда он зажал ей рот рукой, схватил в охапку и побежал. Знал, что шантажист, даже такой вот юный, всегда будет ненасытным, а денег у него было совсем мало, едва хватало на жизнь, и раздавать их впустую он не намеревался.

Ребёнок вырывался и вот-вот мог закричать, так что человек понял – далеко отсюда не убежать. Главное – успеть скрыться в лесу, а там он уже придумал бы, как угомонить девчонку. Подумал теперь, что зря её схватил, видимо вгорячах и уже основательно сойдя с ума от напряжения, ведь не так-то просто на самом деле совершать преступления. Вдруг он решился на хитрость.

– Хорошо, ты получишь деньги, – сказал он, понимая, что отступать сейчас уже слишком поздно. – но у меня ни рубля нет с собой, всё дома.

– Зачем же ты меня схватил? – возмущённо отозвалась девочка. – так бы и сказал, тогда мы вместе сходили бы к тебе домой.

Он поставил малышку на землю. Она поправила платице и съехавшие на бок бантики. Возможно даже улыбнулась, хотя этого человек не увидел в темноте, а скорее почувствовал. Залюбовался её. Она вся была в белом – с головы до ног, даже колготки и туфли сияли безупречной белизной. Это белое выглядело особенно ярко в свете появившейся на небе луны. Теперь девчушка радостно побежала рядом, а он не спешил. Предполагал – ещё наверняка не везде разъехались пожарные и полиция, и потому не хотел раньше времени появляться там, где мог выказать своё волнение и где могло случиться какое-нибудь недоразумение.

– Зачем ты надел дождевик? – спросила девочка, потянув его за рукав. – дождь ведь давно закончился и наверняка не пойдёт снова.

В самом деле теперь можно было снять этот маскировочный наряд, к тому же человек чувствовал, как сильно вспотел, укутанный наглухо в целлофан. Девочка казалась умной не по годам и он даже запаниковал от её присутствия, от того, что всё так сложилось и теперь ему придётся либо её убить, либо она до конца жизни будет иметь власть над ним. Держать девочку какое-то время у себя казалось ему бессмысленным – излишняя суета, к тому же сколько-нибудь долго он не сможет её прятать, а когда её обнаружат, подумают, что он извращенец, и такого обвинения он не выдержит. Хотя, впрочем, он кто угодно – поджигатель, убийца. Но только не развратник.

Ещё раз внимательно взглянул на этого идущего рядом с ним ребёнка – в самом деле от крошки этой ожидать можно было любой подвох. Детские белокурые волосы локонами спадали на плечи, а бледность кожи делала личико прямо-таки ангельским. Нет, её он точно не сможет убить. Ведь в самом деле небеса нам посылают ангелов в каком угодно виде, так может это и есть тот заветный посланник с небес, которого он так долго ждал?

– Послушай, девочка, а зачем тебе деньги? – спросил он в свою очередь, не отвечая на вопрос о дождевике.

Девочка засмеялась, но не поторопилась с ответом.

Возможно она и сама не знала, для чего. А может это была её тайна. Ведь у детей порой тайны имеются ещё круче взрослых. Ему в самом деле стало любопытно, о чём таком материальном может мечтать современный ребёнок. Вот он в детстве был далёк от алчности, и когда родители, наградив его за послушание первой в его жизни монетой, сказали, что это на карманные расходы, он не знал, как потратить деньги, и просто спрятал монету в тайник, решив, что теперь будет коллекционером.

Молчание затянулось, и он ещё раз повторил девочке свой вопрос. Тогда она стала рассуждать:

– Всё равно ты не дашь мне столько, сколько нужно, да и у родителей возникнут разные подозрения, откуда у меня появились деньги, поэтому я их просто потрачу на сладости, схожу в кафе и на аттракционы, объежусь мороженым.

– И заболеешь, – быстро перебив её, сказал похититель.

– Нет, это навряд ли.

– Но неужели родители не дают тебе сладости и не позволяют детских развлечений? – изумился преступник, негодуя от того, что скопленные им с большим трудом деньги эта маленькая шантажистка пустит на всякую ерунду.

– Одно дело, когда ты идёшь с родителями, другое, когда втихаря, – возразила она. – ведь я уже взрослая, и мне надоело спрашивать у них разрешение.

Человек подумал, что он в детстве был совсем не таким, и ему очень важно было одобрение мамы, да и взрослых вообще он особенно уважал. Сейчас бы даже хотел повоспитывать эту наглухую, повзрослевшую раньше времени малышку, однако чувствовал – это ему вовсе не по силам, потому что соображает он уже с большим трудом... Весь этот день его ужасно утомил – быть преступником оказалось чрезвычайно тяжело, к тому же если ты по натуре вовсе не злодей и никогда никому не делал ничего плохого, а наоборот, как по Библии, на пощёчину

подставлял вторую щёку. Но вот наступил предел, и терпение закончилось, как в общем-то закончилась и доброта.

Он вспоминал себя таким вот ребёнком, неуклюжим и неуверенным, робко стоявшим на уроках физкультуры возле самой стены позади всех... Учитель всегда выискивал его взглядом и упрекал, что он не вырастет настоящим мужчиной, не сможет постоять за себя, потому что совсем не старается быть смелым и ловким. Тогда он не понимал, зачем ему лазить по канату, перепрыгивать через какого-то там коня, бегать эстафеты, бросать что-то, стараясь попасть в цель или дальше всех... Разве может это пригодиться в жизни? Это вовсе не нужно! Разумеется, если только не планируешь стать военным или полицейским. Но он не планировал. Поэтому и не старался превзойти всех. Ребята даже смеялись над ним, потому что брошенный им мяч часто падал прямо сразу к его ногам, а с эстафетной палочкой он бежал, не зная куда её девать, по две дистанции.

Зато в минувший год ему пришлось постараться – он научился и ловкости, и быстроте. Стал попадать в цель. Ещё научился приготавливать воспламеняющийся раствор и теперь с уверенностью бы сказал, что для всего этого не нужны никакие учителя. Просто этому учит сама жизнь. Или нет, не так – это слишком грубо. Жизнь просто загоняет в угол, ставит в тупик, и учиться многому тогда приходится самостоятельно.

Он посмотрел на эту малышку, идущую рядом с ним, подумал, что тратить деньги она в скором времени обязательно научится – этому её тоже научит жизнь. Тогда потребуется ей ой-ой как много, и она несомненно станет просить деньги за своё молчание снова и снова. В общем, ситуация у него складывалась безвыходная, однако убить крошку не поднялась бы рука. В самом деле, разве можно убить ангела?

Снова он пожалел, что связался с ней. Надо было просто убежать, ведь дети ужасные выдумщики, и даже если бы она стала рассказывать всем об увиденном, маловероятно, что ей бы поверили. В общем, мысли путались и он чувствовал, как усталость усиливается. Просто наверняка ни один преступник, даже очень опытный, не совершает по три преступления за один день... Порой обычные люди второй раз из дома-то ленятся выйти за один свой выходной... А тут – такое!

Однако злоумышленник был вовсе не обычным преступником – в своём настроении он каждый день улавливал особую музыку, и всегда она звучала по-разному. Так и содеянное в сегодняшний вечер казалось ему единым и неразрывным, своеобразным аккордом, в котором обязательно должны быть три ноты, иначе он не зазвучит как положено. Но теперь он чувствовал – аккорд звучит! И сложился он удивительно гармонично. Хотя это был самый тяжёлый, низкий звук всей его жизни, которую он часто сравнивал с ошеломляющей длинной симфонией, которую составляли разные голоса, потому что исполнял её оркестр. Ведь в самом деле в своей жизни каждый человек мог вести только сольную партию, но обязательно нужны были и те, кто станет ему подыгрывать. Девочка сейчас именно подыгрывала, и он тоже подыгрывал ей.

Возле самой двери его квартиры она немного ступевалась, забоялась последовать за ним – видимо в ней уже пробудилась доля настороженности, неизменно присущая взрослому человеку. Однако он подбодрил:

– Не бойся, я тебя не обижу, – сказал спокойным полушёпотом, и это действительно не подразумевало обман.

Для себя он решил: придумай хоть что ещё эта малышка, он ни за что не причинит ей зла.

Девочка впорхнула в квартиру, а он подумал о том, что даже не знает, как обратиться к ней по имени, однако не поспешил спрашивать, ведь ангелом можно быть и безо всяких имён.

– Как сильно у тебя здесь захламлено, – деловито заметила малышка, осматриваясь, и добавила. – мусор хоть иногда надо выбрасывать.

– Это не хлам и не мусор, – возразил хозяин квартиры. – это мои вещи. Просто я живу очень бедно, а бедные люди редко что-либо выбрасывают, они всегда уверены, что непременно всё, даже ставшее ненужным, когда-нибудь может снова пригодиться.

– Значит ты бедный, – с досадой подытожила девочка и наморщила носик. – и значит много денег ты мне не сможешь дать.

Преступник не сдержался и даже засмеялся от этой её наивности, думая о том, что она сейчас полностью в его власти и он может сделать с ней всё, что захочет. Она же, глупышка, рассуждает о каких-то деньгах.

– У тебя так много музыкальных инструментов, – заметила девочка и слегка смущённо спросила. – а они все настоящие?

– Разумеется настоящие, – воскликнул человек и взял в руки гитару.

Гостья остановила его жестом и указала своим нежным пальчиком на домру, потом сказала:

– Сыграй вот на этом.

– Я не очень умею, на таком инструменте в основном играют женщины, – возразил музыкант и потянулся к балалайке.

Девочка нахмурилась и покачала головой.

– Тогда вообще ни на чём не играй, – сказала она. – я не люблю самодельную музыку.

– Ты хотела сказать – самодетельную? – поправил человек.

– Нет, что я хотела, то и сказала, потому что вся музыка самодетельная, а самодельная та, которую играют всякие любители у себя дома, это как орать песни без голоса – только слух режет.

Она продолжала осматриваться дальше и заметила детские маленькие гусли.

– Зачем они тебе? – спросила удивлённо. – разве у тебя есть дети?

Детей в самом деле не было и человек удивился в свою очередь, как точно она это определила.

– Просто я очень чутко воспринимаю разные звуки, а один инструмент не может воспроизвести всего многообразия, – сказал он.

– Поэтому и придумали оркестры?

– Скорее всего, – согласился человек, хотя на самом деле никогда не задумывался об этом.

– А ты значит – композитор?

– Нет, до этого не дошло, но может быть когда-то что-нибудь напишу.

Девочка взяла в руки гусли и провела по струнам медиатором. Пыль взметнулась снизу и причудливым облаком поднялась над струнами. Человек неожиданно вздрогнул, услышав, как торопливо зазвучали одна за другой все звучные ноты и этот звук показался теперь неожиданно громким в тишине его квартиры.

Потом он вздрогнул ещё раз, будто невидимый кто-то провёл другим медиатором по всем его нервам, по всем сухожилиям и венам, и звучание струн показалось неожиданно тонким, звенящим и совсем не вписывающимся в звуки современного мира. На таком инструменте вправду мог играть только ангел. Он даже вспомнил своего давнего товарища, которого когда-то хотел удивить игрой на балалайке – но тот лишь скептически пожал плечами и сказал, что её звучание похоже на какой-то скрип и совсем неприятное. Сейчас вот также что-то надрывно заскрипело от звука гуслей в его сердце.

– Здесь ещё не хватает скрипки, – заметила девочка. – она ведь королева всех инструментов. Почему её у тебя нет?

На это человек не знал, что ответить. Скрипки не было и всё. Просто она казалась ему инструментом другого порядка, можно сказать – другого класса, иного уровня, и он на ней не

играл никогда, не смел даже прикоснуться, не дерзал. Народная музыка звучала гораздо проще и была ближе его натуре.

– В общем, я забираю эти гусли, потому что денег у тебя всё равно нет, – заявила девочка и направилась на кухню. – угости меня чем-нибудь сладким.

Хозяин квартиры, не успев ещё среагировать на эту её новую просьбу, сказал только про гусли:

– Бери, – и тут же добавил. – у меня нет никаких сладостей, которые едят ангелы.

Девочка засмеялась.

– Ну тогда доставай то, что есть, – дерзко попросила, сев на табурет рядом со столом.

– Послушай, я правда не знаю, где взять для тебя ангельский десерт, – сказал человек и подмигнул.

– Ты правда считаешь меня ангелом? – спросила гостья. – в таком случае мне вполне подойдёт пища богов.

Подумав, что выражение «пища богов» имеет несколько иное значение, человек достал из холодильника последнюю банку прошлогоднего варенья – это была клубника.

– О, моё любимое! – воскликнула девочка и схватила ложку.

– Угощайся.

– Ты такой гостеприимный, – продолжала она. – и за это я научу тебя летать.

– Летать? – удивился человек, а про себя подумал – неужели этот ребёнок уже пристрастился к наркотикам.

– Ну да, летать, – повторила малышка. – я ведь ангел, ты сам так сказал.

Человек тоже съел несколько ложек варенья, черпая прямо из банки – уже через какие-нибудь пару месяцев созреет свежий урожай клубники. Ах, как бы он хотел отведать это лакомство в своей новой жизни! И эта новая жизнь, как ему казалось, несомненно должна была стать намного благополучней. Вот только если полицейские не раскроют его преступление и не упрячут в тюрьму.

Девочка поела совсем мало, так наверняка ели все ангелы и наверняка все они любили сладости, ещё соблюдали деликатность и были вовсе не жадными. Облизнувшись, гостья подскочила и вприпрыжку побежала в комнату, прокричав на всю квартиру:

– Смотри!

Это был второй громкий звук за вечер, который нарушил тишину и заставил вздрогнуть. Девочка закружилась по комнате, её движения очаровывали своей лёгкостью, так что казалось – вот-вот она впрямь вспорхнёт и полетит словно бабочка, словно птица... Или мало кто там ещё умеет летать. Однако на самом деле ей было далеко до настоящего полёта, ведь люди никогда ни при каких обстоятельствах не могут самостоятельно подняться над землёй, хоть и отчаянно об этом мечтают.

– Красиво, – сказал человек, похвалив её пируэты.

– Я хожу в балетную студию, – воскликнула она. – попробуй так же.

– Не смогу.

– Ха-ха-ха! А я стану когда-нибудь прославленной балериной!

Девочка схватила уже свои гусли и, порхая, в несколько шагов очутилась у двери, теперь уже точно намереваясь уйти. Злоумышленник отпустил её, подумав с грустью, что вот теперь его судьба в её детских руках, и от того, как она подыграет ему на своих гусях, зависит многое в его симфонии под названием Жизнь.

Тем временем уже наступила ночь.

Человек слушал потрясающую тишину, которая одновременно и радовала, и сводила с ума. Казалось, такой тишины никогда ещё не было ни в его квартире, ни в его жизни. Да и в его

сердце тоже. Теперь сердце стучало на удивление ровно, несмотря на весь бурно проведённый минувший день.

И он заснул – быстро как никогда. Будто до этого не спал сотню лет. Хотя без сна не выдержит столько ни один организм. А вот он выдержал. И даже правда минувшие несколько лет спал кое-как, не крепко, тревожно и мало, да и заснуть удавалось вовсе не каждую ночь, порой лишь под утро, но это был очень плохой сон, от которого дурацкие мысли начинали роиться в голове.

Не спал он, потому что всегда мешали какие-нибудь звуки. Теперь же звуков не было. И хоть думал он весь этот день, что совершив свои преступления, точно не заснёт никогда – будет метаться, вспоминать и бояться разоблачения, но нет, всё оказалось вовсе не так, стресс его не убил, а в самом деле началась новая жизнь, жизнь за чертой, которую он всё-таки смог переступить. Может быть кто-то другой после всех этих своих деяний не спал бы неделю, а после заснул бы только от снотворных... Поджигатель же настолько наслаждался тишиной, что погрузился в неё, как в роскошную ванну с пенной водой и будто растворился, как растворяется сахар в стакане с чаем.

Вообще о тишине раньше он очень часто размышлял, порой напрасно грезя ею...

Да, тишина. Никто на самом деле не замечал её, не понимал и уж подавно не осознал возвышенность её над всем остальным миром, возвышенность, доходящую до святости, до эйфории – что было правильней и точнее, этот человек с музыкальным слухом и сам не мог определить основательно. Настоящие ангелы пока не прилетели. Однако он не терял надежду, что такое чудо рано или поздно случится. Ещё был уверен – именно в тишине расслышит их тонкие голоса.

Теперь в первую очередь различил свой голос – он звучал хрипловато и робко, потому что человек увидел себя ребёнком. Это воспоминание походило на сон. Или точнее это и был сон – только с обрывками воспоминаний. Там, в далёком прошлом, где переполнено звуками было его сердце и переполнена душа, он бесконечно играл одну мелодию за другой – просто им видимо было слишком тесно внутри, в его сердце, и они торопливо рвались наружу. А потом вдруг какой-то мальчик из их двора, который часто гулял на улице один и в каждом встреченном пытался найти друга, приложил к его уху большую морскую раковину.

– Что это? – удивился музыкант.

– Так звучит море, – ответил мальчик с ракушкой. – и это круче твоей музыки.

– Мне очень нравится. Ты был там?

– Где?

– На море.

– Был.

– И как?

– Оно звучит точно так же, только в миллионы раз громче.

Маленький музыкант обалдел от изумления – он теперь во что бы то ни стало захотел увидеть море с его чарующим шумом, который посмел даже во многом превзойти его музыку. И хоть он полагал, что виртуозные семь нот могут всё, теперь понял очевидное: эти ноты слишком скудны, чтобы превзойти море. Однако ведь кто-то впервые когда-то давным-давно услышал наверняка их где-то рядом с собой – в звуках падающих капель дождя, в трелях птиц, может быть даже в пiske мышей, в крике дельфинов, да мало ли в чём ещё...

Он просто спросил у мамы, могут ли они поехать на море.

Тогда она ещё не вышла замуж во второй раз и не стала для него тётей Катей. Мама улыбнулась и сказала, что на самом деле это был её маленький секрет и она уже купила билеты на поезд – в общем, скоро они будут там. Мальчик обрадовался. И первое, о чём подумал, было ощущение непростого выбора – он хотел непременно взять с собой на море какой-нибудь музыкальный инструмент и затруднялся определить, какой именно будет звучать с морским

прибоем в унисон, так что получится виртуозный дуэт... А что может быть круче, чем дуэтом сыграть с самим морем?

Мама всё-таки отговорила его от этой затеи, объяснив, что вещей с собой придётся взять много и чемодан будет тяжёлый, да и на море, кроме музицирования, уж точно будет чем заняться. Мальчик погрузил немного и согласился с ней, потому что был очень послушным ребёнком, можно даже сказать – послушным до патологии, так что мама никогда не переживала за него и была уверена – никаких дурных поступков в своей жизни он точно не совершит, и уж точно никогда не дойдёт до преступления.

Ожидая встречи с морем, мальчик чувствовал, как музыка с ещё большим рвением льётся из его души, и предполагал, что это видимо неспроста – столь грандиозная предстоящая встреча явно должна была очень многое в нём изменить, ведь он рос весьма восприимчивым и был чувствителен ко всяким мелочам. А если дело доходило до чего-то серьёзного и большого, то и вовсе это выбивало его из привычного настроя и он уже не мог оставаться прежним...

Да в общем-то такое наверняка случается в жизни каждого человека, только далеко не каждый придаёт этому такое же весомое значение.

...Итак, в этом своём ночном видении он вернулся в тот самый момент, когда встретился с морем.

Море было особенно беспокойно, а пляж пустынен.

Только что закончились проливные дожди, которые, как ни странно, случаются регулярно и в тех краях. Ребёнок подошёл к самой кромке воды и увидел множество мелких ракушек на песке, но не кинулся собирать их как обычно это делали другие дети. Остался он равнодушным и к бесконечным волнам, сливающимся с облаками, и к крикам проголодавшихся неугомонных чаек... Зато вслушивался в бушующие ритмы воды с таким восторгом, будто это была музыка, сочинённая каким-то неведомым гением, а исполнял её виртуозный оркестр, превзойти игру которого было никому не под силу.

Потом он увидел маленькую девочку, которая гуляла одна и подошла к самому краю длинного пирса. Девочка возможно была его ровесницей, и успела уже сильно загореть, так что с её смуглым телом резко контрастировали белокурые волосы. Но вот девочка оступилась и упала в воду, едва вскрикнула, как тотчас скрылась под водой. Мальчик надеялся, что она вот-вот вынырнет и поплывёт. Да видимо она не умела плавать, и он прикинул, что возможно там очень глубоко, поэтому не рискнул кинуться её спасать. Плавал он всегда боязливо и только на мелководье. Почему-то запомнил на всю жизнь ту девочку и тот миг, когда она скрылась под волнами.

Теперь он спал.

В этом своём сне неожиданно для самого себя подумал, что возможно, погибнув в столь юном возрасте, девочка эта превратилась в ангела, и этот ангел явился ему совсем недавно, после того, как он совершил своё преступление. Просто уж как-то слишком та девочка, которую он повстречал в дачном посёлке минувшим вечером, была похожа на ту, которая утонула когда-то на его глазах давным-давно. Теперь он даже проникся к ней особенной любовью и хотел, чтобы когда-нибудь она пришла к нему в гости снова. А пока, в своём сне, он видел ту, другую, и очень хотел бы вернуться туда, в прошлое, и всё там изменить, и ещё знал, что это излюбленная мечта всех фантастов. Однако никому ещё не удавалось повернуть время вспять и переделать что-то заново.

Вдруг в своём сне он бросился спасать ту девочку. Побежал по пирсу и прыгнул с него там же, где скрылась под водой несчастная упавшая. Совсем забыл, что плохо плавает, и тотчас начал тонуть, но это, как ни странно, его не испугало, потому что он погрузился наконец в тишину, столь любимую им и столь редко встречающуюся в современном мире. Тем не менее он даже с юных лет знал её настоящую высокую цену.

Тишина окутала его и в реальности – так же, как во сне.

Смолкли не только звуки, раздающиеся прежде беспрестанно со всех сторон, но и те, которые терзали сердце... Тогда давным-давно на море он понял, что тишина гораздо важнее музыки, быть может поэтому в музыкальных произведениях композиторы усиленно манипулируют паузами. И эти их манипуляции всегда придают звучащим нотам особый смысл. А люди, обладающие здравомыслием, весьма ценят паузы в жизни: ночь, выходные дни и прогулки в парке. Но самую главную паузу постичь дано не каждому и не всегда. Только, наверное, прошедшие почти весь жизненный путь подозревают, что это такое.

После той столь интригующей поездки на море мальчик забросил музыку, перестал ходить в музыкальную школу, а все его инструменты покрылись пылью. Зато он стал прислушиваться ко всему окружающему – к так называемым звукам жизни, и стал усиленно выискивать хотя бы редкие минуты тишины... Особенно грезил о такой тишине, которую уже ничто не сможет нарушить – именно такая, как ему казалось, наступила в его жизни сейчас. Возможно все годы, которые не удавалось выспаться, человек этот мысленно и неосознанно замыслил способы её достичь. Теперь же всё больше погружался в сон, глубокий, долгий и такой желанный, который, как дорогой деликатес, по карману был далеко не каждому.

...Больше той ночью ему ничего не приснилось.

Он просто отдыхал и мозг его освобождался от всякой ерунды. Хотя и ангелы, которые, как он верил, живут в исключительной тишине, тоже не прилетали. Только одинокая муха, проснувшись вдруг в этот разгар весны, даже не зажуужала, а торопливо проползла по струне балалайки, отчего раздался едва слышный и непонятный звук. Но спящий не проснулся, а лишь перевернулся на другой бок. И всё-таки он не утонул в море, которое видел в этом своём беспокойном сне, а в скором времени вынырнул, очнулся и какое-то время пребывал в растерянности, пытаясь понять, что произошло, где он и кто такой.

Осознание этого давалось с трудом, потому что на самом деле совсем не просто было принять тот факт, что ты переступил черту, и что эта черта отделяет тебя от остального мира, и может быть здесь, за этой чертой, есть какие-то другие люди, похожие на тебя, но с ними ещё предстояло познакомиться. Пока же следовало узнать получше самого себя, и весь дрожа от напряжения, во всей полноте теперь осознавая содеянное, человек вскочил с кровати...

Наступило утро. Столь волнующее первое утро его новой жизни.

В глубине души сохранялась ещё тишина: ни музыки, ни звуков, ни каких-либо разговоров с самим собой не осталось. Зато теперь там поселился страх, и это была боязнь не столько правосудия и возмездия, сколько самого себя.

Впервые за последние годы он выспался крепко хорошим здоровым сном и теперь все мысли его стали здоровыми, они резко отличались от тех, которые обуревали его ещё вчера, и от этого диссонанса можно было сойти с ума. Хотелось куда-нибудь немедленно убежать, но человек понимал – от себя не убежишь. К удивлению своему заметил, что время уже близится к полудню, а значит проспал он около двенадцати часов, и показалось невероятным, что за это продолжительное время никакие посторонние звуки не потревожили – такого никогда не случалось прежде и возможно даже, это было хорошим знаком... Знаком его новой жизни.

Не завтракая, не умываясь и не расчёсываясь, человек выбежал на улицу.

Возможно поэтому все сумасшедшие и выглядят так неопрятно, что утрами сильно торопятся. Просто что-то всё время гонит их куда-то и они не успевают придавать значение тем мелочам, на которых обычно зациклены нормальные люди. Утро наступившее для этого человека было поистине необычным – он ощутил небывалую свежесть воздуха и прилив сил, а ещё необыкновенную свежесть мыслей. Прежде он всегда поднимался утром с тяжёлой головой, утомлённый бессонницей и доведённый до стресса непрерывным шумом: голосами, скрипами, стуками и отголосками включенного у соседей телевизора – всё это сливалось в единый гул и

бесконечно раздражало. Минувшей ночью звуки не беспокоили и ему стало интересно – столь ненавистные ему соседи живы или погибли всё-таки на пожаре. В любом случае даже если они не погибли, квартира их ещё долго будет пустовать. Но всё же осознавать себя преступником было тревожно, и другая мысль, которая заглушала все остальные, терзала особенно.

«Что я наделал?» – так думал злоумышленник, торопливо идя по улице, сам не зная куда.

Встал на мосту, который соединял два берега быстрой и неглубокой реки с обрывистыми, уходящими вниз метров на десять берегами. Бросаться с этого моста не стал бы ни один отчаявшийся – просто погибнуть не получилось бы. Да преступник и не хотел погибать сейчас, уверенный, что его не вычислят и не обвинят в содеянном. Зато мелодично журчащая вода успокаивала, и человек мог бы простоять здесь хоть до самого вечера, а потом снова идти домой, в свою ставшую теперь тихой квартиру.

– Гоша, привет! Давно тебя не видела. – услышал он голос совсем рядом и звук собственного имени заставил его вздрогнуть.

Правда, он даже не помнил, когда в последний раз общался с людьми, которые знали его настолько хорошо, что называли так. В последнее время вокруг всегда были какие-то чужие и порой враждебные лица – по крайней мере, именно так ему казалось.

Он с осторожностью повернулся, боясь заглянуть говорившему в глаза.

Рядом стояла женщина, которую он узнал не сразу, потому что время основательно меняет людей, меняет настолько, что порой возникает ощущение, будто это вовсе даже и не тот самый человек, которого ты знал когда-то, а его клонированный двойник.

– Привет, – отозвался человек, вспомнив неожиданно и сам, что его зовут Георгием, а вот имя встреченной теперь женщины забыл он основательно.

– Не помнишь разве? Мы вместе учились в музыкальной школе. – торопливо сказала она.

– Это помню, – ответил он.

Подумал, что, впрочем, имени её он не знал никогда, просто вовсе не общался со всеми теми детьми, которые учились вместе с ним. Преподаватель говорил ему, что он лучший, и этого было достаточно, чтобы оправдывать заветную дистанцию.

– Меня зову Аня, – добавила женщина, верно растолковав причину его растерянности.

Он кивнул и даже попытался улыбнуться. Тогда только заметил в руках у женщины цветы – ярко жёлтые, он даже любил этот цвет вопреки многим, считающим его цветом разлуки. Он же увидел в жёлтом бесконечные отблески солнца, ещё подумал, что встреча их может стать знаменательной, с интересным продолжением, потому что даже сейчас всё происходило удивительно волнующе, как в романе Булгакова про Маргариту, и он сам, впрочем, тоже был мастером, только не по литературной, а по музыкальной части.

– Красивые цветы, – сказал он просто так, лишь бы что-то сказать.

– Я иду на отчётный концерт в нашу школу, – поспешила Аня объяснить свой букет.

– Сейчас? В апреле? – удивился Гоша, зная, что такие концерты всегда проводят в конце учебного года, и он сам всегда тоже в мае, будучи ребёнком, готовился к выступлениям.

– У школы юбилей, – пояснила Аня, и поднесла цветы к лицу, будто это ей их подарили и теперь она восхищается их красотой и ароматом.

– А меня не позвали, – посетовал Гоша.

– Пойдём, туда пускают всех, – позвала Аня. – не так уж много людей в наше время желает послушать хорошую музыку.

Мужчина кивнул, соглашаясь с ней. В самом деле только дети, наверное, могли сыграть чистую и по-настоящему красивую мелодию... Почему-то тотчас промелькнула мысль, что теперь ему следует наслаждаться каждым мгновением своей жизни с особенной жадностью, ведь много упущено и неизвестно, ждут ли радости впереди. В любой момент его могли схватить и отправить в тюрьму – он даже понимал, что рано или поздно такое будет неизбежно.

В общем, принял это неожиданное приглашение охотно.

Пошёл рядом с красивой нарядной женщиной, не задумываясь при этом, что его внешний вид вовсе не соответствует предстоящему торжественному мероприятию. Идти было недалеко, он и раньше бегал в музыкальную школу один, в то время как других детей приводили взрослые. Школа располагалась близко от его дома, и даже удивительно, что за последние годы он ни разу не проходил мимо – переулки эти находились в стороне от центральных улиц, поэтому сворачивать туда не было никаких причин.

Теперь он будто снова, как в своём недавнем сне, вернулся в прошлое, только прошлое это было другим, более явственным и осязаемым, и совсем не походило на сон: вот высоченная лестница, с которой зимой невозможно было спускаться, потому что снег не убирали, тогда он, как и другие мальчишки, садился на свой портфель и скатывался вниз. Клёны, посаженные по обе стороны когда-то давным-давно, и которые раньше никак не могли вырасти, потому что у них всё время обрывали верхушки, теперь вымахали огромными и склонёнными ветвями образовывали тоннель. Гоша представил, как наверняка красиво здесь будет, когда зазеленеет листва. Напротив раньше располагался книжный магазин, там они покупали ноты. Теперь здесь открыли магазин для садоводов, и наверняка ноты уже не продавались нигде, и может быть даже современные дети каким-то другим способом, но не по нотам, учили музыку.

Дальше располагался длинный старой постройки дом с глубокой аркой – здесь до сих пор и находилась музыкальная школа. Дома раньше строили на совесть, поэтому сохранился он превосходно и за последние годы ничуть не обветшал. В этой арке пацанами они прятались от преподавателей и украдкой покуривали, зажимали девчонок, представляя себя крутыми взрослыми и грезя своим блестящим будущим. А после не заметили, как это будущее наступило – вовсе не такое блестящее, как хотелось бы. Да только сравнивать картинки желаемого и действительного было уже некогда.

– Здесь ничего не поменялось, – заметил Гоша, потому что молчание казалось уже каким-то неловким.

Спутница его оживилась.

– Представляешь, по склону рядом с лестницей до сих пор сеют маки, – восхищённо воскликнула она.

– Наркоманам раздолье, – сказал Гоша.

– Нет, теперь садят декоративные, – добавила женщина и хотела сказать что-то ещё, но он перебил.

– Как ты думаешь, что лучше, музыка или тишина? – спросил задумчиво и с некоторой робостью.

Она усмехнулась, видимо не ожидала такой вопрос. Вспомнила, что Гоша и ребёнком был очень странным, а ведь странности с годами только усиливаются у таких вот непростых людей. И вот они дошли уже почти до этой арки и ей почему-то стало страшно оттого, что он идёт рядом. Она немного отодвинулась в сторону и глянула искоса в его глаза – там увидела сумасшедший огонь и даже обожглась, ещё разглядела ярость, может быть даже отчаянную решимость, которой в нём никогда раньше не наблюдалось, потому что ребёнком он был очень робким и стеснительным. Тогда всё-таки решила ответить на его вопрос, потому что он настойчиво ждал.

– Что лучше, что хуже – каждый для себя выбирает, – сказала она. – но мне кажется, важнее всё-таки тишина.

– Правда? А почему? – переспросил он.

Сейчас только Аня, задумчиво окинув спутника с головы до ног, заметила, что даже одет он с небрежностью сумасшедшего.

– Просто из тишины обычно рождается пустота, – сказала она. – хотя может быть тишина и пустота это одно и то же, а люди всегда стремятся заполнить пустоту хоть чем-нибудь, пусть даже разными беспорядочными звуками.

Гоша усмехнулся, потому что был с этим полностью согласен – видимо людям с одинаковыми увлечениями проще понимать друг друга. Он в самом деле всегда удивлялся, как все вокруг с отчаянием хватаются за всё подряд, лишь бы не оставалось этой пустоты.

– А надо ли её заполнять? – спросил он вслух.

– Точнее, надо ли заполнять её чем попало, – добавила Аня, и заметила, что разговор между ними получается какой-то странный.

Опустила глаза. Но он смотрел на неё пристально и она чувствовала этот его настойчивый взгляд, чувствовала, как дрожь возбуждения пробежала по её телу – в самом деле в этом человеке, знакомом ей с детства, появилось теперь что-то особенное, чего она не встречала в других людях. Или может быть она сама, не зная как, оказалась в этот момент внутри его пустоты – в самом его сердце.

– А помнишь, раньше я всегда любила играть этюды, – сказала она, но он не помнил.

Он тоже почувствовал возбуждение и как подросток засунул руки в карманы брюк, чтобы это скрыть.

– Теперь вся моя жизнь – как нелепый этюд, – продолжала она.

– Почему? – спросил он, совсем не поняв, что она имеет в виду.

Сам он был всегда уверен, что жизнь его походит больше на симфонию, ведь в самом деле этюд – это слишком коротко и несерьёзно.

Но вот они уже пришли – здесь правда намечался праздник.

Гоша удивился, как поразительно не поменялось это место, и в то же время поразительно изменились люди. Хотя даже запах здесь оставался прежним – запах старого дерева, из которого были сделаны музыкальные инструменты, и это дерево возможно уже начинало чуть-чуть дряхлеть от влажности, постоянно присутствующей в здании. Он даже представил, как вдруг все инструменты, от домры до рояля, рассыпятся вдруг от своей ветхости.

Дети в коридоре суетились и волновались – все нарядные, как и поколение других детей, уже повзрослевших. Наверное, только в музыкальных школах одевались именно так: девочки в классических длинных синих юбках до самого пола и блузках с кружевными воротничками, мальчики в удлинённых пиджаках, походивших даже на фрак и обязательно с торжественными чёрными бабочками на шее. Гоша увидел своего бывшего преподавателя и постарался скрыться за колонной, сам не понимая почему.

– Помнишь, мы раньше тоже выступали дуэтом, – сказала Аня. – ты играл на своей балайке, а я аккомпанировала на фортепьяно.

Гоша конечно помнил эту игру дуэтом, хотя в те времена не обращал внимания, кто ему аккомпанирует – это казалось не важным.

Аня теперь взяла его за руку и потянула ко входу в концертный зал. «Я всегда любил играть соло, – подумал Гоша, но не сказал этого вслух. – и сейчас люблю» ... Когда начался концерт, его неожиданно охватила паника – такого состояния с ним ещё не случалось с момента совершения им преступлений. Почему-то казалось – именно теперь в зал могут ворваться полицейские, но уйти отсюда немедленно было невозможно. Он ёрзал, оглядывался и не сводил взгляд с дверей. Хотел даже встать посреди исполняемой кем-то мелодии, но всеми силами сдерживал себя. Ещё хотел подняться на сцену, забрать у очередного выступающего инструмент и заиграть какую-нибудь пьесу, которую получилось бы вспомнить из детства, а может быть выкрикнуть прямо из зала или в микрофон объявить всем, что он преступник, и что все те три преступления, от которых накануне всполошился весь город, совершил именно он.

Старательно Гоша отвлекал себя разными другими мыслями от этих бредовых желаний. Хотя понимал – пока звучит музыка, это абсолютно невозможно... Здравые мысли имели возможность рождаться только в тишине, а чем громче звучал рояль, аккордеон или виолончель, тем больше он чувствовал – рассудок подводит. Удивлялся, как раньше могло быть всё иначе. Представлял, как любая из его выходок, которые теперь хотелось совершить, шокировала бы

всех выступающих и зрителей. С другой стороны, может даже это было бы хорошо, ведь на самом деле на концерте люди явно скучали, и Гоша подумал, что динамика нашей жизни всегда состоит из чего-то неординарного, а если просто плыть по течению, то можно уплыть невесть куда – туда, где скорее всего вовсе не хочется быть. Ещё предположил, что теперь, когда он нарушил своё безвольное плавание, от жизни ему можно ожидать что угодно и совершенно небывалое прежде.

Под один особенно тревожный ритм он мысленно вернулся во вчерашний день.

...Подивился даже, как там ему было легко, и он ничуть не опасался быть замеченным и не представлял, как что-то может пойти не по его плану... Вот он притаился у окна и выжидал, когда улица опустеет. Будто специально для него кто-то в комнате отдернул шторы, освободив полностью оконный проём, и злоумышленник, пройдя мимо в очередной раз, уловил душный приторный запах, который вырвался наружу – пахло не стиранными давно кухонными полотенцами и не очень свежей едой. У ворот залаяла собака – её предательский лай мог сильно подвести. Пришедший насторожился. Торопливо скрылся в проулке, предполагая, что кто-нибудь непременно выглянет на улицу, ведь собак как раз и заводят специально для таких вот случаев. Но вроде бы никто не выглянул, да и в других закрытых окнах, не выходявших в сторону улицы, он не заметил мелькавших силуэтов. Однако в том, что люди находятся дома, он не сомневался – включённый телевизор слышно было даже отсюда.

Момент, когда человек решился переступить черту, до сих пор вызывал дрожь: он бросил смертельную бутылку и осознал очевидное – обратно она уже точно не вылетит и нельзя будет отменить содеянное, как в компьютере, нажав лишь одну клавишу. Побежал. Услышал за спиной крики и женский визг. Но вдруг как финальный такт какой-то необычной увертюры в душе его от случившегося воцарилась гармония...

Погрузившись во все эти ощущения вчерашнего дня, Гоша не заметил, как закончился концерт. Обратил только внимание, как робкий мальчик, выступавший среди последних, ошибся несколько раз и смутился, остановился прямо посреди игры, но всё-таки ещё продолжил и хоть даже с большим трудом закончил свой номер. Мальчик этот немного отличался от всех: на нём был клетчатый пиджак из-под которого виднелись подтяжки брюк. Именно этот ребёнок напомнил Гоше самого себя – играл он всегда хорошо, эмоционально, хотя тоже вот так часто ошибался во время выступлений.

Поджог в квартире и дачном посёлке он уже не успел прокрутить в своих мыслях – да в общем-то и не смог бы, потому что в эти моменты совершенно был не в себе, а чрезвычайное перевозбуждение, охватившее его, подталкивало действовать мгновенно, не раздумывая, и никакой заранее намеченный план уже не имел значения.

– Георгий, это ты? Неужели! Прямо с трудом тебя узнал! – услышал спешивший к выходу после окончания концерта.

Он оглянулся. Лицом к лицу столкнулся со своим бывшим преподавателем. Не ожидал, что тот всё-таки обратит на него внимание. И даже вот теперь не хотел говорить. Поэтому от растерянности ляпнул первое, что пришло на ум.

– Тот мальчик, на балалайке... Он сильно ошибался. Это ведь ваш ученик? В клетчатом костюме.

– Мой. Да кто не ошибается в нашей жизни! – воскликнул преподаватель, отмахиваясь так небрежно видимо от наболевшей темы.

Теперь Гоша заметил, как сильно тот состарился, однако манеры остались прежними. А ещё услышавший эти слова вздрогнул – слишком привык он многое в жизни принимать на свой счёт. Хотя раньше ни про какие такие ошибки преподаватель ему никогда не говорил. Поэтому в следующую минуту он был шокирован ещё больше – от сказанного в свой адрес.

– Ты тоже всё время ошибался, Гошенька, – с этими словами старик ущипнул своего бывшего ученика за щёку, как делал это, когда тот был ребёнком.

– Правда? – не поверил тот. – почему же вы мне никогда об этом не говорили?

– Не всем можно указывать на их ошибки, вот в чём беда.

– Но почему? Ведь если человек поймёт, что ошибался, он исправится.

– Не-е-ет, увы. Ошибки вообще очень сложная штука, своеобразный рубеж, как знак препинания, что ли... Жил-жил, споткнулся, задумался.

– Не понимаю.

– Вот видишь, ты даже сейчас не понимаешь. А раньше тем более разве понял бы?

Гоша усмехнулся – в самом деле преподаватель был прав и в детстве у него было немало странностей, а выступать перед большим количеством публики его и вовсе брали редко, потому что, даже если он тщательно заучивал пьесу и очень хорошо играл на занятиях, на сцене умудрялся остановиться в самый ответственный момент, и после этого своего очередного досадного провала долго оставался удручённым и подавленным.

– Вообще-то в жизни надо ошибаться! Поверь – надо! Иначе ты никогда по-настоящему не узнаешь жизнь. – преподаватель как будто хотел сказать что-то ещё, но замолчал.

Может быть он сам осознал в этот момент, что ошибки бывают разные и не все в самом деле позволительны. Теперь он прошёл вперёд, потому что в переполненном детьми коридоре неудобно было разговаривать. Гоша задумался о том, что преподаватель его всегда был на удивление проницательным человеком, поэтому даже теперь возможно заподозрил, что бывший его ученик совершил нечто такое, о чём неуместно говорить вот так мимоходом. Тогда он поспешил скрыться от лишних взглядов снова за колонной, наблюдая оттуда, как Аня дарит свой жёлтый букет какой-то старой преподавательнице, которую он не помнил и скорее всего не знал.

Дальше все дети побежали на чаепитие, для взрослых намечался фуршет. Аня и Гоша не остались – переглянувшись, вышли из этой суеты на свежий воздух.

– Всё-таки самый интригующий месяц в году – это апрель, – провозгласила Аня и заговорицы добавила. – люблю всяческие предвкушения и разные интриги.

Она откровенно и дерзко улыбалась, а Гоша в этот момент всё ещё думал о своём, поэтому не сразу сообразил, что она имеет ввиду. Однако чувствовал, как ему хорошо, прямо радостно рядом с ней. И вдвойне радостно оттого, что концерт наконец-то закончился и они смогли уйти.

– Может пойдём ко мне? – предложила Аня так запросто, будто это подразумевалось само собой.

В самом деле оба чувствовали, что знакомы сто лет. Гоша вдруг подумал о том, что у него нет с собой даже сколько-нибудь немного денег, чтобы купить хотя бы бутылку шампанского и отпраздновать эту встречу. Но заходить домой не хотел, а рассудил, что в крайнем случае можно обойтись и так.

– Мальчику в клетчатом ещё рано выступать, – вместо ответа поделился он впечатлением от концерта.

Но скорее всего сказал так, чтобы заполнить паузу, показавшуюся неловкой и тотчас упрёкнул себя в этом – прежде он никогда не торопился заполнять пустоту.

– Этот мальчик – мой сын, – с некоторой грустью сказала Аня. – и уж лучше я отдала бы его учиться на фортепьяно.

– А ещё лучше – на трубе! – неловко пошутил её спутник и тотчас добавил уже серьёзно. – в любом случае нужно везде чувствовать ритм и не путать аккорды.

– Ничего он не путает, просто волнуется. Потому что балалайка – не его инструмент.

– Согласен, для струн нужен особый характер, настрой...

– И особенный перезвон в сердце...

– Что? Что?

Гоша переспросил это так отрешенно, что ему самому стало не по себе.

Просто он услышал на концерте не только неловкие, порой даже корявые мелодии, исполняемые детьми, а сквозь череду нот и аккордов уловил какое-то нагнетающееся вокруг него напряжение – тогда в его сердце пришла наконец тревога. Будто музыка совершенно неведомым никому способом торопилась оповестить его о главном – разоблачение неминуемо, и даже если преступление совершено во благо высоких идей, в любом случае оно остаётся преступлением, то есть большой ошибкой, а это как неправильно поставленный музыкальный знак в такте, после которого неминуема пауза и долгие раздумья.

Тем временем они уже пришли к Ане домой.

Гость робко осмотрелся, отметив про себя, какая здесь тишина. Он всегда замечал, что именно другим людям, которые этого совсем не ценят, на тишину удивительно везёт, они даже пренебрегают ею, потому что видимо в какой-то момент она начинает их раздражать и тогда им хочется шуметь. Но в квартире у Ани пока никто не шумел и было тихо.

– Давно развелась? – спросил он, потому что больше просто нечего было спросить.

– Почти сразу, как родила сына, – ответила женщина.

Её сыну на вид было лет семь или восемь, и Гоша подумал вдруг, что с Аней они могли быть отличной парой, если бы он заметил её в юности. Но тогда он не обращал внимания на девчонок, даже стеснялся и сторонился их, озабоченный собой, своими прыщами, меняющимся голосом и как он считал, появляющейся от этого нервозностью.

Аня включила чайник и достала печенье. Гошу это немного смутило – он считал, что в такой ситуации полагается выпить по бокалу вина, ведь они в общем-то взрослые люди и ни ему, ни ей больше никуда сегодня не надо спешить.

От чашки чая потянулся аромат малины... А потом Аня достала начатую бутылку ликёра и немного налила в чашки.

– Тоже малиновый, как и чай, – пояснила, закупоривая снова бутылку.

– У меня на даче много малины, приходи в июле, – позвал Гоша и женщина ему улыбнулась.

Говорить было особенно не о чем. Немного повспоминали юность, обсудили, у кого как сложилась жизнь. Выпили чай и пошли в спальню. Гоша почувствовал, как от волнения у него слабеют ноги.

– Какую музыку включим? – спросила Аня.

– Есть Морриконе? – спросил в свою очередь её гость.

– Не думаю, что это подходящее.

– А мне нравится.

Аня быстро выскользнула из платья, оставшись в чёрном кружевном белье – такое, как всегда думал Гоша, носят обычно стервы. Но эта женщина навряд ли была стервой, и он снял рубашку, расстегнул брюки... В этот момент раздался страшный грохот, так что мужчина подумал – сейчас на них обрушится потолок. Он подскочил, заметался. Женщина прильнула к нему, будто ничего не услышала.

– Что это? – дрожащим голосом спросил гость.

– Соседи сверху перестилают пол, не обращай внимания, мы все уже привыкли, это у них давно, – пояснила Аня. – распиливают, сверлят и так далее.

– Надолго это?

– Теперь уже до вечера.

Гоша оторопел. Смутился, растерялся. Накинул рубашку на плечи. Он захотел немедленно прямо сейчас уйти, хотя понимал – момент вовсе неподходящий и выглядеть это будет по-дурацки.

– Не переживай, всё получится, – сказала женщина и погладила его по животу.

– Навряд ли, – отозвался он, торопливо уже застёгивая одежду.

– Можно выпить ещё ликёра теперь уже без чая, – предложила тогда она и сказала ещё что-то, однако он не расслышал, потому что слова её заглушил грохот сверху.

– Пожалуй, я пойду, – сказал Гоша во время нескольких секунд спасительной тишины. – приходи лучше ты ко мне. У меня сейчас тихо.

– Не знаю, – с сомнением ответила женщина.

– Может быть завтра? – продолжал настаивать он.

Она промолчала. Тогда он записал на листке бумаги свой адрес и телефон. Аня не взяла протянутый листок и он положил его на нетронутую постель.

– Утром я буду дома, – добавил ещё и хотел обнять женщину на прощание, однако сверху снова загрохотало и чувствуя, что он всё делает и говорит невольно от этого ужасного шума, человек поспешил выйти.

Неведомая ему прежде эйфория кружила голову, так что недавний гость догадался – он влюблён, вот так вот запоздало, в сорок лет, хотя с юности ждал этого радостного волнующего чувства. Предположил, что с Аней у них даже сейчас мог бы получиться хороший союз, к тому же к сыну её он уже проникся какой-то неожиданной симпатией, и даже подивился тому, как сильно они похожи – будто это и вправду его ребёнок.

К этому времени ликёр из чая неожиданным образом дал о себе знать, и Гоша почувствовал, как головокружение усилилось – прямо-таки вправду захотелось летать. Полагая с уверенностью, что Аня завтра непременно к нему придёт, стал уже сейчас ожидать эту встречу.

Дома принял душ и всю грязную одежду закинул в стиральную машину. Достал нарядную рубашку и по-летнему светлые брюки. День пролетел незаметно и неожиданно приятно, так что он весьма удивился, взглянув на часы – была уже половина девятого. Прилёг на диван, обуреваемый лёгкой усталостью, и тотчас уснул. Не приснилось ничего, потому что сон его был чрезвычайно глубоким, и в этом сне царила тишина – такая величественная и грандиозная, какая бывает может быть только на том свете, и от этой тишины спящий рисковал не проснуться вовсе. Однако он этого не боялся, потому что не подозревал о существовании такого риска, зато теперь по-настоящему отдыхал – и от мыслей, и от движений, и от звуков.

Следующим утром Аня, разумеется, не пришла.

Гоша с волнением ждал, прислушиваясь к каждому звуку, раздающемуся снаружи. Это утро было для него совсем не таким, как вчерашнее, и уж тем более не таким, как день за днём долгие бессонные годы – он ощущал себя здоровым полноценным человеком, выспавшимся и бодрым. Красиво накрыл на стол, сел завтракать, надеясь, что Аня может придёт именно в этот момент и её тоже можно будет угостить. Потом подумал, что может она просто не захотела прийти с утра и появится позднее в течение дня, а потому остался дома дожидаться её, погода к тому же резко испортилась и выходить на улицу совсем не хотелось. Тогда он стал наслаждаться своим одиночеством и наслаждаться тишиной, думая о том, что всегда ему прежде любопытно было узнать, как живут преступники после того, как совершат свои преступления – почему-то сомневался, что они могут быть счастливыми, полагал, что каждый миг они раскаиваются в содеянном и с тревогой ожидают расплаты. На самом деле оказывалось всё вовсе не так – вот он теперь был преступником и счастье переполняло его. Ведь по сути преступления навряд ли совершают ради раскаяния... А просто человек делает свой роковой шаг, именно если есть заветная цель, какую никаким другим путём не удавалось заполучить...

Теперь Гоша думал об Ане так долго и с таким трепетом, что сильно возбудился – долгие последние годы он вообще уже не помышлял о сексе. И в общем даже стало жаль это пролетевшее без удовольствий время. В порыве отчаяния он высунулся в распахнутое окно, откуда было видно всю улицу до самой остановки городского транспорта. Но Ани всё-таки нигде не было. Человек, досадуя, захлопнул окно с такой силой, что мог бы его разбить, потому что оно у него оставалось ещё давнишнее, старое, стеклянное. Однако окно всё-таки не разбилось и

Гоша утешал себя, что может даже хорошо находиться дома всё время одному, и пусть Аня не пришла, одиночество в конце концов тоже может являться и другом, и спутником жизни. И ещё лучшим другом может быть тишина.

Расслабленный и отрешённый от всего мира он хотел в одиночку выпить вина, купленного накануне в супермаркете, и уже собрался откупорить бутылку, как слух его поразил неожиданный звук. Странный звук! Невозможный теперь в его новой жизни... Хотя в общем-то звук этот не удивил бы никого другого, однако совсем недавно человек этот сделал всё, чтобы навсегда избавиться от таких звуков в своей жизни.

Он прислушался ещё раз, полагая – послышалось, сжал голову руками, зажмурился, но звук не исчезал: дети кидали в стену мяч. Этого просто не могло быть. В отчаянии человек прямо в домашней одежде выбежал из квартиры. Он ещё не решил, куда пойдёт, может быть всего лишь немного прогуляться, а может постучаться к соседям, как делал это всегда, но потом рассудил – всё это совершенно бессмысленно и делалось уже много раз. К тому же всё равно рано или поздно придётся возвращаться. Но вернуться он бы уже не смог. Только не теперь, не после всего случившегося. Тогда он решил всё-таки переодеться, по-быстрому набросал в дорожную сумку необходимые вещи и отправился на дачу, рассчитывая поселиться там прямо на несколько месяцев, а дальше уже – будь что будет. По крайней мере утешал себя тем, что действие в любом случае лучше бездействия, и любая ошибка на самом деле чрезвычайно влияет на судьбу. Ещё надеялся, что там, в дачном посёлке, с ним наконец-то заговорят ангелы, и может быть заговорит даже сама тишина, если ей будет что сказать.

...Торопясь до одержимости, он выискивал среди сухой прошлогодней травы лесную тропинку. Верил – на даче будет всё по-другому. Вдруг кто-то положил ему руку на плечо.

Часть 2

Следователь отдела полиции по борьбе с особо тяжкими преступлениями подполковник Вадим Рыбаков, схватившись за голову, сотый раз просматривал видеозапись, размещённую в интернете. Вдруг в дверь его квартиры позвонили. Вот так без предупреждения к нему домой могли приходить только очень близкие люди, и даже не пытаясь предположить, кто там, он пошёл открывать. С утра он немного выпил – хотелось больше и он с трудом себя сдержал, порываясь в то же время напиться до такого состояния, чтобы уже ни о чём не думать.

...На пороге стояла его бывшая жена Аня, и он без тени удивления молча распахнул перед ней дверь.

Совсем недавно состоялась свадьба их старшей дочери, они вместе хорошо повеселились и возможно теперь им было что обсудить – если не свои отношения, то хотя бы будущее детей.

– Даже боюсь спрашивать, но мне почему-то кажется, ты всё уже видел, – без лишних приветствий выпалила Аня.

Вадим сразу понял, о чём она говорит, и с раздражением кивнул на компьютер. На экране заставкой стоял на старте видеоролик, который пришедшая сразу узнала. Оба молча посмотрели друг на друга, понимая всё по старой привычке – без слов.

– Кто мог это выложить? – спросила сочувственным тоном Аня.

– Очевидно тот, кто снимал видео на свадьбе, – отозвался Вадим, смущённо отворачиваясь от экрана.

– Но ты не видел продолжение?

– Продолжение? После этой фигни происходит что-то ещё?

Аня конечно не хотела этого делать, однако ей всё же пришлось найти и другую запись, которую она без лишних комментариев сразу открыла. Оба посмотрели молча: Вадим не отрывал взгляд от экрана, Аня изредка отворачивалась.

– Теперь я не просто по уши в дерьме, теперь я утонул в нём, – проговорил мужчина, когда запись закончилась.

– Глупости, разве полицейский не имеет права на личную жизнь, – попыталась утешить женщина.

– Смотря на какую, – усмехнулся он и просмотрел ещё раз обе записи одну за другой, добавил, – оказывается каждое наше движение под пристальным вниманием, и мы даже не замечаем, кто за нами смотрит.

– У тебя много недругов, к сожалению.

– Ох доберусь я до этого горе-режиссёра...

Приподняв руку, Аня хотела погладить бывшего мужа по голове, как делала это раньше. Но сдержалась. Всё-таки уже несколько лет они были чужими людьми. Решила просто переменить тему их разговора.

– Я очень ждала, что ты придёшь к нашему сыну на концерт, – сказала немного резко. – и он тоже ждал папу.

– Извини, – нахмурившись, отозвался мужчина. – совсем завертелся. Он хорошо выступил?

– Хм, – Аня замаялась. – жизнь всё время нас куда-то торопит, и дети быстро растут, когда они далеко.

– Я же сказал – извини.

– Он правда очень ждал.

– Ещё скажи, ошибался именно потому, что меня не было в зале.

– Вполне возможно, что именно из-за этого.

– Значит опять всё провалил.

Аня с сожалением кивнула.

– И зачем вообще детей учат музыке? Всегда интересует меня этот риторический вопрос, – сказав так, Вадим направился на кухню.

Слишком долго они уже стояли друг против друга, и теперь уместно было хотя бы попить кофе.

– Любит он музыку, – ответила женщина.

– Сейчас музыки везде – полным-полно, утонуть можно, как в куче дерьма.

– В том-то и дело... Просто когда сам играешь, музыка совсем другая получается.

– Ага, или не получается.

На несколько секунд Вадим погрузился в свои мысли, в своё прошлое.

Он тоже когда-то в далёком детстве ходил в музыкальную школу, мечтал даже долго об этом и рвался всем сердцем, но учиться не стал: не понял, что сразу пошло не так – может с преподавателем не повезло или не тот выбрал инструмент. В общем, не проучился даже одного года, бросил. После какое-то время жалел, упрекал себя, но теперь всё больше убеждался – правильно сделал, и быть музыкантом дано не каждому, а вот слушать чужое исполнение – всегда пожалуйста. Порой особо и выбирать не приходится, даже не нравится, а все слушают, и ты – вместе со всеми.

– Кстати, встретила на концерте своего бывшего одноклассника, – сказала Аня.

– Сделал он себе музыкальную карьеру?

Женщина поняла, что этот вопрос с подвохом и усмехнулась. Ещё пожалела, что заговорила об этом. Всегда терялась от проницательности мужа, никак не понимая, каким образом он о много догадывается без слов.

– Или вместе вы туда пошли? – спросил он тотчас будто мимоходом.

Аня побагровела и теперь не стала отвечать, просто молча улыбнулась.

– А в юности наверняка у вас была любовь, – продолжал следователь. – скорее всего безответная, и каждый стеснялся сам по себе сделать первый шаг.

Сердце у Ани застучало часто-часто и она поспешила рассказать откровенно подробности.

– Знаешь, он стал придурком, – сказала с некоторым сожалением.

– Прямо придурком? А как ты определила это?

– Ну, не знаю даже, просто всё не как у людей, – растерялась женщина от такого прямого вопроса. – одет по-дурачки и ведёт себя тоже нелепо.

– Значит до секса не дошло? – на этот раз Вадим попытался заглянуть Ане в глаза, но она отвела взгляд. Он сделал свои выводы и добавил. – а я вообще люблю придурков, забавные они и с ними весело.

– Правда? И много их возле тебя?

– Да хватает. Просто в какой-то момент стал замечать – в мире их гораздо больше, чем мы думаем. И гораздо больше, чем они дают о себе знать.

От таких слов Аня засмеялась. Собеседник её, видимо подумав, что она смеётся, вспомнив о какой-то ещё своей ситуации, про которую точно не станет рассказывать, нахмурился и посмотрел на неё так пристально, как делал это только на работе. Женщина смутилась, она никогда не любила такого его взгляда и просила не смотреть на неё так. Конечно же она думала о своей недавней встрече с Гошей, но больше ничего не стала бы рассказывать об этом бывшему мужу.

– У меня вот тоже какой-то придурок дров наломал – больше кучи, – уже совсем посерьёзнев проговорил он.

Теперь он говорил холодно, будто и не было никакой свадьбы их дочери, никаких компрометирующих видеозаписей и бокала вина, выпитого с утра – он думал о работе и всё остальное перестало для него существовать.

– Тебя ведь не отстранят? – с заметным беспокойством спросила Аня.

– Глупости, – отозвался он. – из-за личной жизни, что ли? Нет, так просто от хороших сотрудников не избавляются, не легко будет искать мне замену.

– Так что натворил твой придурок?

– Три поджога за один вечер, – выпалил полицейский. – может быть злоумышленников было несколько, но я всё же склонен считать, что один.

– Почему?

– Говорю же, такое мог совершить только придурок. А придурки не умеют объединяться. И они по-своему правы. Ведь даже не каждую здравую идею поймёт другой человек. Про дурость и говорить нечего – всё, что планируется по глупости и вгорячах лучше делать самому.

– Да, может быть... Кстати, я заметила – придурки это вообще по твоей части. Так глядишь и сын таким вырастет.

– Придурком? Ни за что! Я тогда тебя придушу.

– Ага, угрозы, – Аня усмехнулась и хотела бы ещё пошутить, но ей пора было идти и она направилась к двери.

...Закрыв за бывшей женой дверь, подполковник полиции подумал, как ни странно, что эта женщина до сих пор влияет на него удивительным образом – возможно поэт или музыкант назвал бы ощущение, которое оставалось от её присутствия, вдохновением. Вадим же не умел сочинять стихи и не умел играть ни на каком музыкальном инструменте, поэтому назвал появившееся чувство отвагой. Теперь был уверен – новое дело, хоть оно и обещало кучу сложностей, удастся раскрыть без особого труда. К тому же за последние годы он научился в разных придурках разбираться как нельзя хорошо, даже сортировал их по видам и категориям. В какой-то момент заметил, что придурки на удивление лучше остальных понимают этот мир, а раз так, надо было всегда держать ухо востро, чтобы его самого не обвели вокруг пальца.

Поджигатель расследуемого им дела действовал с хладнокровной осторожностью: никто его не видел, никто не заметил ничего подозрительного, а само преступление сработано было хорошо и профессионально. Явно всех жертв объединял общий знакомый и теперь предстояло выяснить – кто. Но это составляло проблему, потому что большинство из них погибли...

В квартире, подвергшейся нападению, на момент возгорания женщина находилась в душе и вышла слишком поздно – она не спаслась, однако двое её детей в это время ушли к бабушке, а муж был на работе... В сгоревшем доме погибли муж с женой, их дочь с внучкой находились в огороде... Совсем не повезло дачнику, запертому в собственной даче – шансов на спасение не осталось у него никаких, однако ночевал он один, семья его на даче появлялась только в разгар лета... Сопоставляя все эти факты, следователь понимал – работа предстоит нелёгкая, однако это и привлекало его в своей профессии.

По всей его квартире ещё витал аромат Аниных духов, а на столе оставалась пустая чашка кофе с полоской от её помады. Он налил себе кофе именно в эту чашку и мысленно послал ей свой поцелуй, когда ощутил на губах вкус этой самой оставленной помады – такой терпкий, похожий на переспелое яблоко. И ещё очень похожий на саму Аню – она всегда любила всё слегка горьковатое, немного острое, клала в суп острый перец, а овощи на рынке выбирала только самые спелые. Её любимыми южными фруктами была алыча и айва, такие непонятные и невкусные сами по себе, но когда они лежали на подоконнике и по-настоящему вызревали, вкус становился изумительным... Только люди как и во всём остальном на самом деле редко умели ждать – фрукты эти срывали незрелыми, и такими же незрелыми их продавали на рынке. Купившие пробовали понемногу, разочаровывались и возможно даже выбрасывали. Вадим подумал, что весь этот нелепый процесс с фруктами походил в какой-то степени на их с Аней отношения: они познакомились совсем юными и влюбились друг в друга, но видимо и любви в какой-то степени надо вызреть, да и людям тоже созреть для любви. Иначе не складывается в жизни что-то, и в общем у многих пар так бывает.

Теперь Вадим чувствовал – наступило время, когда всё могло бы сложиться, да только бывает ли так, спустя много лет, когда всё уже разрушили сами люди и разные другие обстоятельства вмешались в их жизнь. Он вымыл чашку, бережно смывая остатки помады, открыл окно, чтобы выветрить окончательно ароматы прошлого. И как бы ни было это банально, задумался всё-таки о том, что же такое любовь...

Возможно и не получилось бы у них сейчас с Аней снова, потому что она любила какого-то там Гошу, который может быть даже в чём-то лучше его, а может и не лучше, но просто сумел заинтриговать, ведь и любовь на самом деле – это интрига, игра, и по сути своей, когда она в самом своём разгаре, она не зрелая, как айва на рынке или алыча, и стоит попробовать, как хочется немедленно выплюнуть, по крайней мере чаще всего так бывает у мужчин. И люди выплёвывают друг друга, плюются даже друг другу вслед, не замечают много хорошего, что давал находящийся рядом влюблённый, чтобы покорить заветное сердце.

Вадим разглядел искры в Аниных глазах, когда она говорила про этого своего одноклассника, и от такого её взгляда до сих пор свербил в сердце. Возможно когда-то этот одноклассник был и красив, и умён. Но ведь сейчас, как сказала Аня, он стал придурком. Отчего же тогда искры вспыхивали по-прежнему?

Приходя к выводу, что любовь видимо сама по себе – придурковатое явление, Вадим постепенно включался в ритм своего обыденного дня. Понимая, что без разных мелких недоразумений в жизни в общем-то не обойтись, потому что жизнь и сама по большому счёту – недоразумение, по крайней мере, для некоторых, он быстро пожарил яичницу и позавтракал.

Вечером того же дня следователь Вадим Рыбаков отправился поговорить с соседями несчастных жертв. Стрелки приближались к семи, все возвращались с работы, и он подумал – преступник выбрал для своих злодеяний этот ещё не поздний, но достаточно близкий к сумеркам час видимо не случайно. На улицах в это время правда было мало людей, и как тот явно рассчитывал, жертвы его тоже должны были находиться дома.

Первым делом полицейский отправился в частный сектор – таким же маршрутом следовал и преступник за несколько дней накануне этого. В двух домах ему не открыли. Возможно, там никто не жил или с ним не захотели разговаривать. Напротив сгоревшего дома со двора вышел пожилой мужчина. Разумеется, преступника он не видел, и в момент совершения им преступления смотрел телевизор. Однако он прямо-таки удивил, вспомнив один подозрительный момент... Накануне случившегося, где-то может быть за неделю или чуть больше, на воротах сгоревшего дома появилась странная надпись: «Здесь живут чебурашки».

– Дети наверное баловались, – высказал предположение полицейский, и подождал, что скажет ещё собеседник.

Тот нахмурился, немного подумал и нехотя ответил:

– Может и дети.

А после принялся рассказывать про разных сорванцов, живущих по округе, но явно не имеющих отношения к делу. Однако полицейский не перебивал его рассказ, хоть и слушал вполуха. Он внимательно и в то же время украдкой осматривался и место это показалось ему весьма странным. Вроде совсем рядом, не дальше трёхсот метров, шумел город, а здесь протекала будто бы совсем иная жизнь, и явно здесь селились те, кто желал уединиться, сбежать от этого мира с его суетой, проблемами и заботами, сбежать в мир совершенно отличающийся от привычного – в тишину, туда, где приоритеты были совсем другими и люди вели совсем другой образ жизни.

Два этих противоположных мира разделяла река, вовсе не глубокая, но текла она быстро и бурлила громко. Через реку в несколько шагов можно было пройти по мосту и дух захватывало от ощущения, как легко поменять в своей жизни всё: от звуков и окружающей обстановки, до в общем-то самой сути собственной жизни. В этом другом пространстве, другом

мире, почти не было машин, зато кудахтали куры, лаяли собаки и мычали коровы. И в пору может быть здесь было поселиться не только каким-нибудь чебурашкам, но и запросто какая-нибудь чупакабра могла забрести сюда или ещё какое диковинное существо.

– Погибшие были хорошими людьми? – на всякий случай спросил полицейский, возможно подразумевая что-то другое, или даже желая уточнить, не походили ли они в самом деле на чебурашек.

– Да обычные, как все, деньги у них особенно не водились, как у тех, кто выбирает жильё попроще, приехали откуда-то из деревни, – ответил человек.

– Снимали дом значит? – уточнил Вадим.

– Ну да... Не повезло вот хозяйке... Давно они поселились, собаку даже завели, она и осталась тут...

Человек кивнул на дорогу. Там в самом деле одиноко подвывала некрасивая белая дворняжка. Соседа она видимо знала и завиляла хвостом, искоса поглядывая на мост: то ли намереваясь направиться в ту сторону, то ли по-прежнему дожидаясь хозяев. А потом подпрыгнула, заюлила на месте, и также нелепо подпрыгивая, будто контуженная, побежала к мосту.

– Что с ней? – растерявшись от увиденного, спросил полицейский.

Собеседник его усмехнулся, посмотрел побежавшей вслед.

– Попробуй посиди всю жизнь на цепи, – ответил наконец. – они щенком её малюсеньким взяли – и сразу в будку, цепь короткая, не разбежишься, вот она даже и бегать нормально не научилась.

Собака в это время, снова пару раз нелепо подпрыгнув, опять оказалась возле них. Полицейский хотел её погладить, протянул уже руку, потому что в общем-то любил животных и в какие-то моменты даже считал, что животные намного лучше людей. Однако собака насторожилась, оскалилась, зарычала.

– Не трогайте, – предостерёг сосед. – она хоть и пугливая, злющая ой-ой, настоящий зверь.

– Лаяла наверно всё время? – спросил машинально.

– Для этого и держат собак.

– Может и для этого. Любили её хозяева?

– Да своих питомцев все любят... Глядишь и до ранга священных животных доведут собак-то когда-нибудь...

Полицейский предположил, что человек хочет рассказать ему о чём-то ещё, поведать какую-то историю, связанную с этой собакой. И потому спросил об этом.

– Да, был тут случай один, – охотно заговорил тот. – рядом со мной одинокий мужчина дом снимал.

«Наверное это именно его я сейчас и не застал», – предположил полицейский.

– Съехал он, – продолжил рассказчик. – не знаю, с чего у них там началось, но стали на него собаку эту натравливать. И как только он в дом зайдёт, она лает часами на воздух без умолку. А он весь такой задумчивый, хмурый, может художник или поэт, в общем тишины ему хотелось, дом даже снял, чтобы в уединении находиться... Они вот взяли всё ему да испортили. Потом из полиции приходили стали... Говорили, что владельцы собаки на художника этого заявление написали, будто собаке ихней он яд в котлеты подмешивает. Не знаю, как там на самом деле было, может и правда отравить хотел. Но никто никому ничего не доказал и человек этот просто исчез... Всё-таки не хорошо, я считаю, когда животное ставят выше человека.

– А в данном случае прямо так и было?

– У-у-у! Скандалили они по-страшному...

Вадим кое-что уяснил из этой истории.

Больше вопросов у него не осталось, поэтому он поблагодарил собеседника и попрощался, искоса поглядывая на осиротевшую одинокую дворнягу, которой после длительного

сидения на цепи предстояло по-новому взглянуть на этот мир – хотя в основном так принято говорить про людей. Ещё полицейский подумал, что его недавний собеседник видимо совсем не любит животных, и в общем-то он не совсем прав, утверждая, что люди намного лучше их. Ведь в самом деле и юлить, и вилить людей учит общество, и даже умеют они это делать почти с самого детства, а если и привязаны к чему-то крепко, продолжается такое по их доброй воле.

Собака, о которой недавно шла речь, похоже была достаточно умна, потому что осматривалась теперь какими-то особенно осмысленными глазами, явно догадываясь – жизнь её изменилась основательно и безвозвратно. Полицейский свернул в проулок и заглянул в огород сгоревшего дома. Грядки здесь явно не засаживали давным-давно, одно лишь огромное старое дерево с набухшими почками возвышалось вблизи забора – возможно яблоня или груша, повидавшая видимо не одних хозяев и десятки лающих собак. Здесь в самом деле было как-то особенно хорошо, а без собаки даже – безмятежно тихо, не хотелось переходить мост и возвращаться обратно в город. В общем, вполне можно было понять того чудака, который решил для своих творческих целей поселиться здесь. Город правда слишком сильно вторгнулся в мысли и даже в самое сердце, мешал слушать собственный ритм и следовать велению своей души.

Однако Вадим не мог позволить себе оставаться здесь дольше, он поспешил последовать тем же маршрутом, которым шёл злоумышленник, чтобы успеть на все три места возгорания за один вечер.

Сверил время по часам – промежуток между первым и вторым преступлениями составлял не более получаса, а значит у преступника всё было тщательно спланировано и обдумано заранее, и делал он всё чрезвычайно быстро, никакие сомнения не останавливали его. Видимо движимый какой-то особенной яростью, злоумышленник уже не мог передумать или удовлетвориться одним поджогом – хотел совершить всё задуманное немедленно, прямо за один вечер. Полицейский не сомневался – найдут его очень быстро. Да у него и сейчас уже были основательные предположения, оставалось их только проверить и сопоставить друг с другом. Важным ему порой в своей работе казалось другое – понять причины, которые толкнули человека на столь отчаянный шаг, и ещё важным было доказать, что сделал это именно тот, на кого указывают все очевидные факты.

Собака, которую Вадим сам про себя непонятно почему окрестил чебурашкой, увязалась за ним – он даже окликнул её таким прозвищем и видимо оно ей понравилось. Он же подумал, что она и в самом деле похожа на какого-то странного зверя, и вовсе не такая, какими мы привыкли видеть собак. Она больше не лаяла и пару раз вильнула хвостом – по-своему видимо приспособливалась к идущему рядом человеку. А полицейский тем временем подумал о том, как весело было бы жить, если вместо номеров на домах и воротах люди писали бы кто на кого похож – даже интересно стало, что такое нелепое прочитал бы он о себе.

С такими мыслями Вадим уже перешёл через мост, оставив в другом измерении и тишину, и собаку, похожую на чебурашку... Город тотчас прогнал все нелепые мысли, от которых теперь становилось стыдно даже самому себе. Он размышлял, о чём же таком важном или наоборот пустяковом думал тот человек, который совершил все эти поджоги. Хотя были ли у него мысли? Или только отчаяние, одержимость и ярость властвовали над ним... А ещё может быть страх – от того, что кто-нибудь помешает ему. Почему-то стали интересны подробности. Например, залаяла ли собака, когда злодей бросил в окно роковую бутылку, и он даже удивился, почему сосед ничего об этом не сказал.

Теперь среди многоэтажек затеряться было легко и так же легко, наверное, от этого преступнику было творить свои злодеяния. Вадим подумал, что тот мог вовсе даже не опасаться никакого преследования, потому что никто здесь не обращал друг на друга особенного внимания, и может быть в самом деле надо было превратиться в какого-нибудь чебурашку, чтобы тебя заметили.

... Чёрное окно на третьем этаже зияло огромной дырой среди сотни других благополучных окон. Полицейский мельком посмотрел на пожарную лестницу, откуда действовал злоумышленник, и зашёл в подъезд.

Это была шумная малосемейка, и такой разный шум, раздающийся со всех сторон, казался столь навязчивым и неприятным, что вошедший поморщился. По мнению многих, в таких домах селились люди далеко не благополучные, и это мнение теперь себя вполне оправдывало. Вадим позвонил в квартиру, соседствующую со сгоревшей, но ему ответили через дверь, что ничего не знают и не видели. Он позвонил ещё в две другие квартиры – услышал такой же ответ. Какая-то женщина, проходя мимо, сочувственно посмотрела на него и сказала:

– В таких домах обычно все заняты своими проблемами и никому никогда нет дела до тех, кто живёт рядом.

– Правда? – переспросил полицейский, хотя уже и сам догадался – так оно и есть.

– Полицейским разве можно говорить неправду? – ответила женщина.

Вадим улыбнулся ей сухой профессиональной улыбкой.

Не оставалось ему ничего другого, как отправиться в дачный посёлок на место третьего преступления. Теперь уже даже понемногу начинало темнеть, ведь на самом деле весеннее тепло создаёт лишь иллюзию лета. Где находятся дачи, полицейский приблизительно знал, хотя и никогда не бывал в тех местах. Идти предстояло через лес, но недалеко, хотя он предполагал – за эти двадцать-тридцать минут, которые придётся потратить на дорогу, потемнеет сильнее и неудобно уже станет задавать людям свои вопросы.

В лесу пели соловьи и пахло смолой от набухающих почек.

Почему-то вдруг стало страшно, хотя это чувство людям такой профессии наверняка позволительно было испытывать только в каких-то крайних случаях. Но возможно сейчас и был такой вот крайний случай, поэтому Вадим пошёл быстрее, то и дело посматривая в глубину леса. В конце концов преступник ведь ещё не был пойман, и не появилось даже ещё никакого такого конкретного подозреваемого, а поэтому неизвестно, что можно было ожидать в продолжение содеянного им. С трудом верилось, что совершив все свои злодеяния за один вечер, теперь он начнёт совсем иную порядочную жизнь. Просто порой неважно, какую цель преследует преступление, но неизменно оно что-то ломает в глубине души, так что после этого человек уже не может вернуться к обычной жизни, даже если планировал для себя что-то хорошее.

Навстречу Вадиму попались две дачницы и он спросил, правильно ли идёт.

На самом деле он знал, что не ошибается, просто хотелось развеять то гнетущее ощущение, которое переполняло и от которого невозможно было избавиться. Женщины с виду были милыми и приветливыми, а заговорившего с ними встречного приняли за новоявленного дачника и стали торопливо рассказывать, что уже пора садить редис и салат в теплицу. Полицейский улыбнулся и, торопливо кивнув, пошёл дальше. Он вообще никогда не понимал, зачем люди покупают дачи, как и не понимал, зачем заводят домашних животных, разных там кошек и собак, и может быть даже каких-нибудь чебурашек... Возможно всё это от одиночества или от безделья. А может от того и от другого вместе. Или может от отсутствия любви – что, впрочем, вероятнее всего. Потому как кто ещё, если не домашний питомец, будет любить самоотверженно и сильнее всего на свете.

Когда полицейский уже оказался на месте, торопливо вошёл в калитку, которая открылась на удивление легко и никакой сторож не спросил у вошедшего, куда он направляется. Однако въезд в большие ворота был перекрыт, здесь висел здоровенный замок, от которого видимо ключи имелись лишь у владельцев садовых участков. Вадим осмотрелся. Никто ещё не ложился спать и людей всюду было много, все прямо-таки отдыхали от города и суеты... Вот человек нёс ведро родниковой воды – наверняка поселился тут надолго и планировали целыми днями пить чай, двое других прогуливались просто так видимо перед сном и о чём-то негромко говорили, кое-где дачники расположились на своих верандах – умиленно насла-

ждались жизнью и этой ранней весной. И все без сомнений чувствовали, как время неизменно замедляет ход в такие вот моменты. Ещё все явно радовались приближению лета и потому атмосфера царила необыкновенно хорошая – удобно было поразмышлять, уловить вокруг что-то неведомой, что раньше просто не получалось заметить.

Кое-где возле дачных домиков горели уличные фонари, и несмотря на то, что их было до нелепого мало, именно от них становилось светло, даже создавалось ощущение полноты жизни и какого-то особенного уюта, который никогда не почувствуешь в городе, хоть сколько много там фонарей бывают включены одновременно.

Полицейский легко нашёл ту улицу, где случилось несчастье.

Тут всё было не как везде, и что сразу бросилось в глаза – люди не включали свет, хотя за каждым забором мелькали украдкой силуэты. Кто-то уже начинал вскапывать грядки, другие торопливо убрали ветки и листья, но в любом случае занимали себя какой-то деятельностью, будто находясь во власти тревожных мыслей и не желая предаваться этим мыслям целиком. Неизменно известие о случившемся облетело весь дачный посёлок. Но одно дело – просто слова, и совсем всё иначе, когда видишь беду своими глазами.

Какая-то маленькая девочка, выбежав вдруг из калитки, посмотрела полицейскому в глаза и отпрянула. Он догадался – она что-то знает, но сомневается, надо ли об этом говорить. Сразу забежала в калитку обратно, спряталась даже за кустами, ничуть не беспокоясь о том, что листьев ещё нет и её видно. Однако полицейский всё равно не стал бы задавать ей никаких вопросов, потому что по опыту своему знал – дети большие фантазёры и лучше с ними не связываться.

Вот ещё женщина, сходяв до родника, возвращалась с водой в свой сад, который располагался как раз напротив сгоревшей дачи. Вадим посчитал очень удобным поговорить именно с ней. Оказалось, она знала здесь всех и погибшего соседа тоже. Про него не могла сказать ни слишком хорошее, ни слишком плохое.

– Обычный был человек, – проговорила безразлично. – немного злобный, ворчливый и никогда ни с кем не считался.

– Это как? – переспросил следователь, рассчитывая на какой-нибудь конкретный пример.

– Через две дачи с той стороны мужчина с ним постоянно ругался, – сказала она и махнула даже рукой, указывая на дачу того человека, про которого рассказывала.

– Из-за чего?

– Не знаю. Никогда не вмешивалась и не прислушивалась, не имею такой привычки. Один раз только тот сосед обозвал погибшего чебурашкой, так громко, что все наверно слышали.

– Чебурашкой? Похож он был, что ли?

– Глупости! Разве может человек походить на мультяшного персонажа...

– Ну, мало ли... Уши может торчали.

Дачница засмеялась.

– А как зовут того человека, который ругался?

– Мы дядей Гошей называли, хотя в дяди он нам совсем не годится, почти ровесник, выглядит просто старше своих лет. И ещё он чуточку того...

– Сумасшедший?

– Не совсем... С большими странностями. Да вы его может быть даже застанете, с утра он был здесь, не знаю, останется ли ночевать. Так то он добродушный и любит поговорить, когда настроение хорошее.

Полицейский кивнул и поблагодарил, но к дяде Гоше не пошёл – теперь он был почему-то уверен, что преступник именно он, поэтому следовало действовать осторожно и не спугнуть его раньше времени. Пусть бы он оставался до поры в мире своих чебурашек, прочих выдуманных существ и разных причуд, которые, по обыкновению, в избытке бывают у сумасшедших.

На выходные Вадим захотел забрать у Ани сына.

Конечно быть воскресным папой ему не особенно нравилось, но их ситуация не оставляла выбора. Мальчика он любил и поэтому баловал, хотя Аня это не одобряла. Теперь тоже предупредила на пороге квартиры:

– Не больше одного пирожного, никаких чипсов и поосторожней с аттракционами.

Вадим улыбнулся, кивнул, многозначительно посмотрел на свою бывшую жену, давая понять, что многого она не знает и о многом он не расскажет ей. Да и сын не расскажет, потому что у них были свои маленькие тайн, такие, какие могут быть только у отца с сыном, и женщине, даже матери, о таких мелочах незачем знать. Хотя сейчас у следователя Рыбакова в голове роилась куча разных мыслей, далёких от своей распавшейся семьи, а мальчик по своему обыкновению ждал от отца доверительную беседу – ждал то, что после можно будет скрывать от мамы, и ему видимо даже нравилась такая двойная игра, как нравится всем детям играть в шпионов и разведчиков, прятать что-нибудь в своём сердце или в крайнем случае под подушкой, что может быть на самом деле и не тайна вовсе, а просто ребячество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.